

Тайная обитель Цанлин, Зеркальный пруд.

Тело Лу Цы дрогнуло, и он резко вырвался из воспоминаний.

К этому времени странная улыбка на воде уже исчезла, словно всё, что он видел ранее, было лишь иллюзией. Однако тела, всё ещё спокойно плавающие в пруду, свидетельствовали о том, что здесь произошло нечто реальное.

Лу Цы повернул голову и увидел Цзян Хэ, который всё ещё стоял неподвижно, глядя на воду, явно погружённый в воспоминания, в которые его затянул Зеркальный пруд.

Немного поколебавшись, Лу Цы всё же поднял левую руку и поднёс флейту Фулин к губам.

Звуки Фулин обладали не только способностью управлять духами, но и влиять на разум. В зависимости от мелодии они могли либо «запутать сознание», либо «успокоить дух». Первое использовалось против врагов, второе — для помощи союзникам.

Несмотря на то, что звуки флейты были невидимы, их сила не уступала любому физическому оружию. Именно поэтому Чжунли Буфу и Ло Ханьсинь были так уверены в участии Лу Цы в Великой церемонии Помилования.

Ранее, когда на Лу Цы устроили засаду в его жилище, он мог бы легко обезвредить врага с помощью Фулин, не пролив ни капли крови. Однако, едва разглядел замах противника, он понял, что тот не представляет серьёзной угрозы, и решил не раскрывать свою козырную карту.

Сейчас Цзян Хэ был погружён в воспоминания, и Лу Цы не был уверен, сможет ли Фулин повлиять на иллюзии, созданные Зеркальным прудом. Тем не менее, он решил попробовать.

Он понимал, что Цзян Хэ — не тот, с кем легко сладить, и его пробуждение могло привести к новым неприятностям. Однако, когда Лу Цы сам проснулся в тюрьме, он ничего не знал о происходящем. Именно Цзян Хэ объяснил ему «расклад» на террасе Сюаньцзин и рассказал о Великой церемонии Помилования, уговаривая признать вину и спасти свою жизнь. Хотя в итоге это не пригодилось, Лу Цы всё же чувствовал себя обязанным за эту помощь.

Теперь, медленно играя на флейте, Лу Цы размышлял: если Фулин действительно сможет вытащить Цзян Хэ, значит, тому суждено выжить. Если же нет — значит, он хотя бы сделал всё, что мог.

...

За пределами Тайной обители, на каменной платформе.

Цзи Шиянь давно покинул своё место и, присоединившись к Чжунли Буфу и Ло Ханьсинь, болтал с ними. Он всегда был красноречив, и теперь, как дикий конь, пустился в бесконечные рассуждения, вызывая у Ло Ханьсинь смех и шуточные упрёки по поводу его небылиц.

Мисан Яоюэ молча пила чай, слушая болтовню Цзи Шиянь и периодические подколки Ло Ханьсинь, чувствуя, что это невыносимо шумно.

Её Дворец бессмертных Хуаньгу всегда принимал только женщин, а среди заключённых на этой Великой церемонии Помилования не было ни одной. Если бы не традиция, требующая присутствия всех четверых, она бы даже не пришла сюда тратить время.

Подумав об этом, она бросила взгляд на Цзи Учжоу, который, как и она, не проявлял интереса к церемонии. Он сидел, скучая, и время от времени брызгал водой из чашки, явно думая о чём-то другом.

В этот момент из Тайной обители донёлся слабый звук флейты. Он был призрачным и далёким, но из-за своей тихоты казался почти иллюзорным.

Мисан Яюэ посмотрела в сторону обители, замерла на мгновение, а затем резко повернулась к остальным:

— Замолчите!

Цзи Шиянь вздрогнул, не понимая, чем вызвал её гнев, но послушно умолк и, удивлённо глядя в сторону обители, тоже постепенно стал различать звук флейты.

В полной тишине этот призрачный звук зазвучал отчётливее.

Мисан Яюэ прислушалась несколько мгновений; её выражение лица становилось всё более озадаченным. Внезапно нахмурилась, встала и с недоверием направилась к краю платформы.

Цзи Шиянь тоже почувствовал, что звук кажется знакомым, но никак не мог вспомнить, где слышал его раньше. Увидев, что Мисан Яюэ идёт к краю, он последовал за ней.

Чжунли Буфу и Ло Ханьсинь сразу узнали звук Фулин, но обменялись недоумёнными взглядами, не понимая, почему Лу Цы играет не «запутывающую сознание» мелодию, а «успокаивающую дух».

Внезапно с края платформы послышалось движение. Три оленя, до этого стоявшие спокойно, вдруг заволновались. Вожак стада поднял голову и издал громкий клич, после чего вместе с остальными помчался к центру платформы. Мисан Яюэ и Цзи Шиянь поспешно отступили, а олени, резко развернувшись, взмыли в воздух и понеслись к Тайной обители, таща за собой оленью повозку.

Всё произошло в мгновение ока. Две женщины в белых одеждах в ужасе бросились к краю платформы, но оленья повозка уже улетела далеко. Они обернулись с возгласом:

— Владыка дворца?!

Цзи Учжоу по-прежнему сидел за столом, наблюдая, как удаляется повозка. Он спокойно отвёл взгляд, словно ничего не произошло, и равнодушно произнёс:

— Пусть себе идёт.

...

В Тайной обители, над Зеркальным прудом.

Звуки флейты плавно лились, а глаза Лу Цы пристально следили за неподвижным Цзян Хэ, не зная, сколько времени у того осталось.

Внезапно тело Цзян Хэ содрогнулось, он резко вдохнул, схватился за горло и закашлялся.

Лу Цы тут же прекратил играть и подхватил его, опасаясь, как бы тот не свалился в пруд.

Цзян Хэ кашлял так долго, что покраснел всё лицо, и только тогда смог немного отдышаться. Сделав несколько тяжёлых вдохов, он повернулся к Лу Цы:

— Это ты играл на флейте?

Его взгляд скользнул по фигуре Лу Цы, но флейты он не обнаружил. Вместо этого он увидел свиток в его руке и слегка удивился:

— Ты получил его?

Лу Цы кивнул и отпустил его:

— Мы можем...

В эту же секунду с небес донёсся приятный звон колокольчиков. Лу Цы поднял голову и увидел, как три оленя, таща оленью повозку, стремительно пикируют с неба, направляясь прямо к Зеркальному пруду!

В этот же момент Цзян Хэ резко потянулся к свитку!

Лу Цы, заметив это краем глаза, хоть и с опозданием, но успел отдернуть руку. Однако Цзян Хэ, хотя и не схватил сам свиток, ухватился за шнурок, связывающий его. Шнурок развязался, и одна из планок свитка осталась в руке Лу Цы, а другая, потеряв опору, потянулась вниз, увлекая за собой разворачивающееся полотно к воде!

Цзян Хэ, действуя молниеносно, наклонился и схватил планку, но едва успел выпрямиться, как его и Лу Цы сбили с ног олени, стремительно снижавшиеся с неба. Нефритовые колёса повозки пронеслись между ними, а натянутый свиток с громким звуком разорвался пополам!

Три оленя с повозкой пролетели далеко вперёд, прежде чем затормозили у края леса, а Лу Цы и Цзян Хэ, держа по половине свитка, барахтались в воде как мокрые курицы, глядя друг на друга сквозь плавающие тела.

Оба были мокры насквозь и тяжело дышали. Через несколько мгновений Цзян Хэ вдруг рассмеялся, поднял свою половину свитка и с самодовольством произнёс:

— Видишь? Это называется судьба!

Лу Цы молча посмотрел на него несколько мгновений, сунул оставшуюся часть свитка за пазуху и поплыл к берегу.

Цзян Хэ, увидев это, поспешил последовать его примеру. Они выбрались на берег, и Лу Цы сел на землю, отжимая одежду.

Цзян Хэ некоторое время смотрел на него, а затем осторожно спросил:

— Ты злишься?

Лу Цы ничего не ответил. На самом деле, на тропинке он как раз собирался сказать: «Мы можем разделить свиток пополам». Он хотел попробовать, можно ли это засчитать как победу для обоих. Если нет, то потом можно было бы придумать что-нибудь другое.

Он полагал, что Цзян Хэ, вероятно, не откажется, но не ожидал, что на полпути случится «непредвиденное происшествие», которое отвлечёт его, из-за чего он не только не сможет

закончить фразу, но и едва не потеряет свиток.

Цзян Хэ, видя его молчание, с пренебрежением посмотрел в сторону:

— Фу, что тут злиться? Просто забрал половину свитка, и всё.

Лу Цы перестал выжимать одежду и с интересом посмотрел на него, ожидая, какую ещё глупость тот выдаст.

Цзян Хэ повернулся к нему, встретился с ним взглядом и вдруг почувствовал неуверенность, снова отведя глаза:

— Я знаю, что ты спас меня, и я не собираюсь платить злом за добро. Даже если бы я забрал свиток, я бы всё равно отдал тебе половину. Я просто хотел посмотреть, как они решат судьбу победителя. Если бы нас обоих признали победителями, это было бы идеально. Если нет... я бы вернул тебе половину и признал поражение.

Лу Цы удивился. Он не ожидал, что Цзян Хэ тоже додумался до этого и был готов признать поражение.

Он мог понять, почему Цзян Хэ захотел «сначала забрать, а потом поделиться». Тот не мог быть уверен, что Лу Цы, уже почти победивший, согласится разделить свиток, поэтому ему нужно было сначала забрать его в свои руки, чтобы иметь рычаг давления.

Хотя сейчас это звучало как оправдание постфактум, и Лу Цы не мог судить, правду ли тот говорит, но хотя бы он не сказал «Я забрал, и что ты мне сделаешь?», за что Лу Цы, как заботливый родитель, испытал огромное облегчение.

Большое спасибо всем за поддержку, я продолжу стараться!

<http://bllate.org/book/16826/1565220>